

THE RAKE

РОССИЯ

21

НОВЕЙШАЯ
МОДЕЛЬ ЧАСОВ
+ 5 АВТОМОБИЛЕЙ
БУДУЩЕГО

Джентльмен
на мотоцикле:

*6 уникальных байков для
героев нашего времени, самая
крутая кожаная куртка
в мире, ножи как предмет
коллекционирования*

ART
POWER

Аксель Вервордт
Дэвид Цвирнер
Чарльз Саатчи
Крис ван Аш

ТИЛЬДА СУИНТОН

СУБЪЕКТ ИСКУССТВА

«Я никогда не воспринимала себя как актрису... Мои корни явно
в мире искусства, и именно там я чувствую себя на своем месте»

ISSN 1813-7695

НОМЕР 01 (34) ФЕВРАЛЬ — МАРТ 2018

012

Шесть необычных мотоциклов для бунтарей нашего времени

014 ПИСЬМО РЕДАКТОРА

020 НОВОСТИ

АКАДЕМИЯ

026 КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ?

Дэниел Дэй-Льюис в фильме «Призрачная нить»

030 ДУХОВНЫЙ НАСТАВНИК

Криstopаль Баленсиага как образец стиля

034 КАК ВЫБРАТЬ ОПРАВУ, КОТОРАЯ ЗАПОМНИТСЯ

Советы Александра Добровинского

035 ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

Инновации в коллекции Riquadro Black Square

036 АБСОЛЮТНЫЙ КОСМОПОЛИТ

Что в карманах у Кэндзи Каги

038 ДЖЕНТЛЬМЕН НА МОТОЦИКЛЕ

Кастом-байки, кожаные куртки, ножи и правила мотоклубов

048 А ТЕПЕРЬ ПОСМОТРИ

Зимой в Венеции

056 СУБЪЕКТ ИСКУССТВА

Тильда Суинтон как художник, муза и арт-произведение

062 ДОМ ХУДОЖНИКА

Dior Homme как образцовое собрание современного искусства

068 АРТОГОЛИК

Чарльз Саатчи: цитируем классика

072 СВЯТАЯ ПРОСТОТА

В гостях у Акселя Вервордта

078 ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ

Дэвид Цвирнер как олицетворение власти на рынке современного искусства

082 ПОДХОДИ, НЕ СКУПИСЬ

Малые и альтернативные арт-ярмарки

086 LESS IS A BORE

Посвящение группе Memphis Milano

Содержание

08

078

Скульптура с выставки
Gazing Ball Джеффа Кунса
в галерее Дэвида Цвирнера

АТЕЛЬЕ

- 092 КРАСНОЕ ЗОЛОТО
История кордовской кожи
- 096 МАСТЕРСТВО БЕССМЕРТНО
Обувное ателье Maipina во Флоренции
- 098 ИСПАНСКИЙ КАНОН
Мадридский стиль на примере Sastreria Serna
- 102 БЕЛАЯ КОРОЛЕВА
*Сокровище баварской короны — фарфоровая
мануфактура Nymphenburg*

Содержание

102

Более 30 000 гипсовых форм для отливки фарфора хранятся на складе мюнхенской мануфактуры Nymphenburg

10

СОБРАНИЕ

110 НЕЗНАКОМЫЙ PORSCHE
Редкий олдтаймер по разумной цене

112 ФУТУРОШОК
Тестируем автомобили будущего

116 ABC
Часовой алфавит SIHH

122 АРТ-АУКЦИОНЫ
Составляем список арт-покупок

Шахан Минассян с легкостью сочетает самые полярные по стилю предметы

12

КОНСПЕКТ

- 128 РЕЖИССЕР ИНТЕРЬЕРА
Шахан Минассян открывает двери и секреты
- 134 ПРОГРАММА-МАКСИМУМ
Успеть все за 72 часа в Мадриде
- 136 ЕСТЬ — ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ
Изучаем новые рестораны и бары в Москве
- 140 ВСЕ БУДДЕ ХОРОШО
Путешествие в Янгон, Мандалай и Баган
- 146 ФОРТЕ, ФОРТИССИМО
Семейная династия отельеров
- 150 КОРОННЫЙ НОМЕР
Инспектируем отели в Риме, Флоренции, Бангкоке и Куршевеле
- 154 КАЛЕНДАРЬ
Гастроли портных и обувщиков
- 160 СМЕРТЬ ИМ К ЛИЦУ
Зоопарк Дэмиена Хёрста

Новости

С в р а в н о в е с и я

Обувщики **Barrett** в новой коллекции продолжают работу с темой двойственности, сопровождающей «итальянскую английскую» марку со дня ее создания

20

С

толетняя история бренда Barrett, представленного в России компанией Frame Moscow, завязана на контрапунктах: кожевник-англичанин Джон Барретт (его фамилия и красуется на логотипе) — и производство в итальянской Парме. Классические модели — и смелые современные цвета. В одной из моделей новой коллекции — двухцветных брогах, вручную окрашенных в сочно-синий и светло-коричневый, — эта двойственность выражена максимально точно. Потому-то здесь так много обуви, которая подходит для перехода с корабля на бал — лоферы (невесомые на болонском креплении и поосновательнее на goodyear), кеды из однотонной кожи или замши, суровые темно-коричневые дерби, которые сегодня уже спокойно воспримутся в любом дресс-коде, кроме разве что black и white tie. Точно отражают философию марки и эти лоферы зеленого цвета на красной подкладке. Каждый шаг Barrett похож на движение канатоходца, где смелость и выверенность уравновешены.

1.

4.

3.

5.

2.

01 Звериный оскал PRADA

Выражение «анималистичный принт» в этой коллекции багажа **Prada** художник Кристоф Шемен обыграл буквально. Макабрическое изображение существ от динозавров до лис с человеческими лицами напоминает о финальных сценах фильма «Двенадцать обезьян» и хорошо оттеняет командировочный костюм. Это выбор тех, кто разделяет не только фирменную прадовскую иронию, но и легкую сардоническую ухмылку — неслучайно принт назван *Survival Utopia*. Чемодан снабжен трекером, позволяющим быстро найти его через приложение в случае потери.

02 Меньше это больше BELVEST

Североитальянская марка классической одежды **Belvest** умеет работать с цветами и фактурами, но на весну-лето предла-

гает минимализм с подчеркнuto «вне-временными» кроем и оттенками. Легкие однобортные пальто и пиджаки цвета кофе с молоком, голубые рубашки и поло, светлые брюки с чуть завышенной талией. Для более экстравагантных покупателей в коллекции нашлись и огромная двухцветная клетка, и кремовые пиджаки-сафари.

03 Роскошь строгости ARMANI/CASA

Домашняя линия **Armani/Casa** специфически и очень точно отражает эстетику роскоши, которая не привлекает лишнего внимания, но и не стесняется самой себя. Вдохновленная стилем ар-деко, она не повторяет его дословно и подойдет для дома человека, который привык много зарабатывать, но никогда не станет тратить ее впустую. В этих тапочках-слиперах одинаково элегантно можно ходить и по дому в халате, и по ковровой дорожке в смокинге.

04 Одеться вне рамок BRUNELLO CUCINELLI

Каждая коллекция **Brunello Cucinelli** служит примером стайлинга, который в следующем сезоне будут повторять более-менее все. Новая летняя — не исключение. Пиджаки-сафари (в данном случае — из легкого хлопка или замши) служат ее центральным элементом, а носить их предлагают с подвернутыми рукавами, галстуком и лоферами.

05 Новое рождение CARTIER

Знаменитый аромат *Déclaration* был создан домом **Cartier** в 1998-м, а сегодня, спустя 20 лет, Матильда Лоран представила его новое воплощение. Благодаря оригиналу в парфюмерии дебютировал кардамон — он остался и здесь, но отошел на второй план, уступив сильной древесной ноте, восточным пряностям и коже. Лоран создала манифест мужчины, который не стесняется своих чувств.

Тильда Суинтон раскрывает душу вещей в перформансе «Гардероб» на Pitti Uomo, 2015 год

Кто ты будешь такой? В то время как одни актеры примеряют костюмы, чтобы сыграть роль, Дэниел Дэй-Льюис научился шить

026

038

Джентльмен на мотоцикле: кастом-байки, ножи, правила жизни мотоклубов и самая крутая куртка в мире

056

Тильда Суинтон как единственный и неповторимый субъект искусства

Академия

ПРЕДСТАВИВ НОВУЮ КОНЦЕПЦИЮ АРТ-РУБРИКИ, В КОТОРОЙ НАШЛОСЬ МЕСТО НЕСКОЛЬКИМ ТИТАНАМ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА, МЫ ПРОКАТИЛИСЬ НА САМЫХ УДИВИТЕЛЬНЫХ МОТОЦИКЛАХ В КОМПАНИИ САМЫХ КРУТЫХ БАЙКЕРОВ

Дом художника: Крис ван Аш последовательно превращает коллекции Dior Homme в галерею продвинутого искусства

062

072

Святая простота: Аксель Вервордт пригласил The Rake на новоселье арт-квартала Kanaal в Антверпене

078

Дело семейное: мегагалерист Дэвид Цвирнер отпраздновал юбилей и четко дал понять, кто будет регулировать арт-рынок в ближайшем будущем

Безупречные двубортные костюмы драпированного кроя, твидовые пиджаки в клетку и смокинги Вудкока — заслуга ателье **Anderson & Sheppard** и художника Марка Бриджеса

26

ДЭНИЕЛ ДЭЙ-ЛЬЮИС за свою карьеру, кажется, успел побывать почти каждым из персонажей известной детской считалки — *играл принца Датского на сцене, уходил в сапожники*, а для роли модельера в фильме ПРИЗРАЧНАЯ НИТЬ даже научился шить. Автор THE RAKE нашла общие черты в образах, созданных великим актером

К Т О Т Ы

КИНО

Б У Д Е Ш Ь

Текст **Ксения Земскова**

Т А К О Й ?

юди, приходящие в себя после кошмара, склонны предаваться избыточным, далеким от постылой необходимости удовольствиям: необязательность маленькой нелогичной радости — протест против жизни, лишенной вкуса и цвета, даже намек на баловство. Для послевоенной Европы, измученной не только смертью и кровью, но и нищетой, униформой, продуктовыми талонами, одним из таких удовольствий стала одежда от-кутю. Причем не только знаменитый диоровский new look (который, впрочем, критиковали такие легендарные модельеры, как Коко Шанель и Кристоаль Баленсиага), но и более консервативные образы британских модных домов, ставших подмостками для новой драмы Пола Томаса Андерсона «Призрачная нить».

Дэниел Дэй-Льюис, сыгравший (или, вернее сказать, — создавший) выдуманного кутюрье Рейнольдса Вудкока, явно быстро нашел общий язык со своим героем: кто лучше поймет одержимого творчеством перфекциониста, чем другой одержимый творчеством перфекционист? Даже в своем жизненном ритме они похожи: блистательная обстановка модного дома Вудкока, отточенного и бесперебойного рабочего механизма, сосуществует с меланхоличной тишиной его фамильного поместья, в котором, как и подобает всякому Мэндерли, обитают призраки и разворачиваются драмы на троих. Так же и сам Дэй-Льюис сбегает от софитов и журналистов в спокойный дом в горах Уиклоу на краю Ирландии, где занимается далекими (на первый взгляд) от кино вещами: например, плотничеством.

По обыкновению, работа над ролью началась за несколько лет до съемок фильма: Андерсон и Дэй-Льюис не столько придумывали, сколько вылепливали персонажа, как голема. В результате к первому дню на площадке актер не только умел кроить и шить, но также точно знал, в каком ателье должны быть созданы все его костюмы (услугами Anderson & Sheppard пользовался и его отец, поэт Сесил Дэй-Льюис) и туфли (George Cleverley); какого цвета носки (пурпурные — от Gammarelli) будет носить его герой, какие у него

27

будут собаки и обои. «Наверное, я всех бесил, — признал свою дотошность Дэй-Льюис в интервью журналу W Magazine. — Я столько размышлял над каждой мельчайшей деталью!»

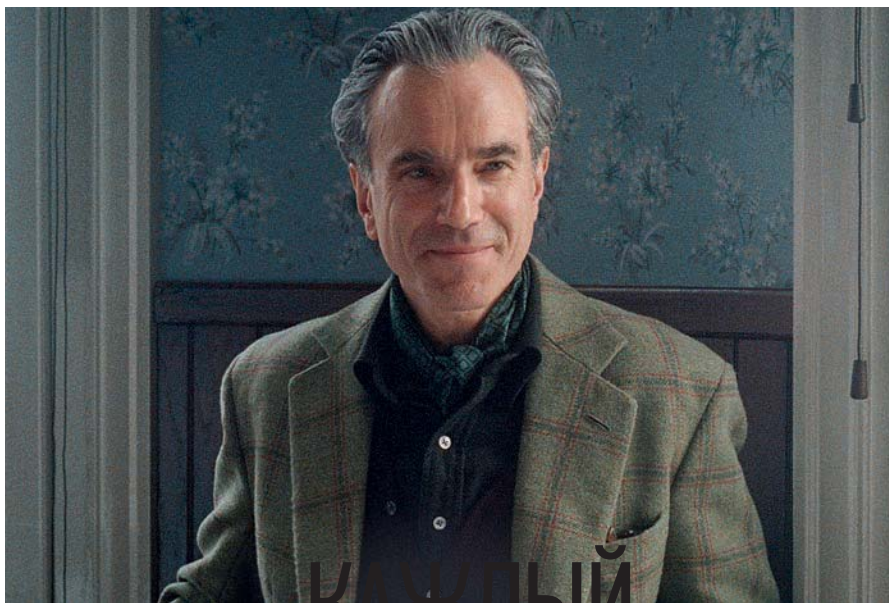
Несмотря на то что Вудкок имеет вполне узнаваемые прототипы — одержимый отшельник Баленсиага, Харди Эмис, одевавший королевскую семью, первый американский кутюрье Чарльз Джеймс, — изначально Дэй-Льюис и Андерсон даже не предполагали, какая профессия должна быть у их героя. «Мы выбрали моду, — вспоминает Дэй-Льюис, — и только потом поняли, во что ввязались. И тогда мир моды поймал меня на крючок».

На самом деле Рейнольдс Вудкок вполне органично замыкает ряд дэй-льюисовских персонажей, в которых, если присмотреться, есть нечто общее. Темная и размашистая драматичность «Нефти», безумный бурлеск «Девяти», сдержанная напряженность «Линкольна», экстремальный актерский аттракцион «Моей левой ноги», утонченная ирония «Комнаты с видом» — всем известная щепетильность, с которой Дэй-Льюис подходит к выбору ролей, невольно заставляет внимательнее присмотреться к этому противоречивому списку. Пожалуй, героев, сыгранных им, объединяет одно качество: каждый из них одержим страстью или наделен пугающе сильным даром, и дар этот оборачивается то благословением, то бременем. Обязательно наступает момент, когда персонажей, кажется, вот-вот раздавит свалившаяся на них ответственность. Режиссер Гвидо Контини отменяет съемки фильма, художник Кристи Браун бросает писать картины, актер Дэниел Дэй-Льюис уходит из кино, чтобы стать сапожником (затем вернуться, потом снова объявить об уходе)... Талант в исполнении Дэй-Льюиса всегда — опасный и ненасытный зверь, которого требуется укротить; в тех же случаях, когда он оказывается сильнее своего хозяина, к концу фильма мы видим абсолютно разрушенного человека — например, нефтяного дельца Дэниела Плейнвью (ведь алчность в определенных условиях — тоже дар). Талант, по определению Дэй-Льюиса, «кормит тебя и одновременно пожирает», отсюда — готическая, иррациональная сторона «Призрачной нити»: любимая романтиками тема проклятия, околдованности, душевного разлада.

В том же мюзикле Роба Маршалла «Девять» творческий процесс (намеренно или нет, отдельный вопрос) представлен в виде

28

«ТАЛАНТ
КОРМИТ
ТЕБЯ
И ОДНО-
ВРЕМЕН-
НО ПОЖИ-
РАЕТ»

безобразной, шумной и пошлой мешанины, которая ошеломляет, но не оставляет о себе ни воспоминаний, ни послевкусия, а только гудящую голову и болезненное чувство неловкости. Собственно художник оказывается вечно притиснут происходящим в тень, к смутной и расфокусированной границе кадра.

В актерском ремесле есть прием, который помогает нащупать рисунок роли: следует сыграть сцену «на разрыв», преувеличенно и даже гротескно, без границ и вкуса, — и из этой преувеличенности извлечь нужную эмоцию. На самом деле, такой прием — беззастенчивый наигрыш — знаком каждому творческому человеку. Никто только не говорит о том, каким потерянным и измотанным чувствуешь себя в эпицентре порожденного твоим воображением хаоса, который тебе предстоит привести к гармонии (не потому ли Рейнольдс Вудкок — деспотичный аккуратист, предпочитающий воспринимать любовь как часть рутины: лишний беспорядок ни к чему?). Эта грязная и изнурительная работа остается в лучшем случае в виде пары баек для журналистов; и слухи о том, что великий актер в очередной раз уходит из кино, большинством будут восприняты с благодушной иронией: отдохнет и одумается.

Не хочется драматизировать периоды затишья, в которые Дэй-Льюис обычно погружается после каждой роли, однако нет и желания преподносить их как забавное чудачество гения (чем, по мнению самого актера, грешит пресса). Ничего удивительного: изрядно потрудившись, любой человек хочет отдохнуть за любимым хобби в кругу семьи. Но если работа актера включает в себя проживание целой жизни, то сколько должен длиться отпуск? «Существует ответственность художника, — размышляет о своем окончательном уходе Дэй-Льюис. — Моя игра должна быть жизненной, неоспоримой. Если публика в нее верит, мне этого должно быть достаточно. Но в последнее время это не так».

Что ж, где-то мы это уже слышали. Всегда уверены в себе только сумасшедшие и бездари, а джентльмены и художники склонны к сомнениям. ■

КАЖДЫЙ
ЕГО ГЕРОЙ
ОДЕРЖИМ
СТРАСТЬЮ
ИЛИ НА-
ДЕЛЕН
ПУГАЮЩЕ
СИЛЬНЫМ
ДАРОМ

29

30

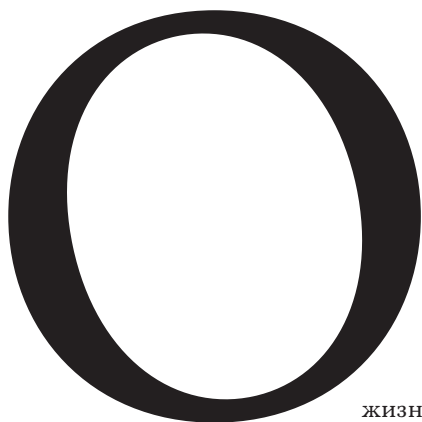
The Rake

Юный и изящный
Кристобаль Баленсиага,
Париж, 1927 г.

ШИТЬ ОН НАЧАЛ, когда ему еще не было и четырех, в 12 обучался искусству кройки в ателье в Сан-Себастьяне, и совсем неудивительно, что К 72 ГОДАМ, под конец своей праведной жизни, он был известен как «наш повелитель»

Д У Х О В Н Ы Й Н А С Т А В Н И К

Текст **Стюарт Хазбанд**
Перевод **Наталья Ударова**

жизни признанного гения Кристобаль Баленсиаги известно не-многое. «Пикассо от моды» (так его называл британский фотограф Сесил Битон) или «наш повелитель» (по замечанию Кристиана Диора) словоохотливостью не отличался. На его фоне даже затворник Сэлинджер показался бы человеком весьма разговорчивым. «С заказчиками он встречается редко, в свет тоже почти не выходит», — писал Битон. Интервью Баленсиага дал лишь однажды, в 1971 году газете The Times, — заявив, правда, что объяснить суть его ремесла абсолютно невозможно. В фотосессии участвовал тоже всего раз — в 1927 году. На этих снимках погруженный в свои мысли модельер присел на спинку не то кресла, не то оттоманки. На нем великолепный двубортный костюм с мягким плечом, а из нагрудного кармана выглядывает платок, сложенный так, что сразу вспоминаешь его самые авангардные и эксцентричные творения с пышными, объемными складками.

В модных кругах, где критика существует разве что в частных разговорах, уверя-

ют, что нынешний креативный директор дома Balenciaga Демна Гвасалия по духу близок Баленсиаге: мол, он так же играет с пропорциями и формами, не боится крайностей. Достаточно вспомнить знаменитое платье-мешок Баленсиаги, которое в начале 50-х произвело настоящий фурор. Так же бурно в наши дни публика реагировала разве что на «горбатую коллекцию» Comme des Garçons, появившуюся в 90-х. Стоит упомянуть и черное бархатное платье, на которое религиозного Баленсиагу вдохновили одежды священнослужителей (что, однако, не помешало ему сделать разрез у юбки крайне откровенным; но, видно, так было угодно небесам). «Он рассказывал, что, когда создавал это платье, думал об одном священнике, — пишет Клодия Херд де Осборн, преданная поклонница и постоянная клиентка Баленсиаги, известная тем, что для своего обширного гардероба снимала целый номер в „Ритце“. — Видимо, об очень симпатичном».

По крайней мере, точно можно сказать, что ни духовное, ни мирское Баленсиаге чуждо не было. Вот что еще рассказывает Битон: «Баленсиага — испанец среднего роста, у него иссиня-черные волосы, пронзительные голубые глаза, нос с горбинкой; повадки птички, держится невозмутимо. Он простого происхождения, но обладает безукоризненным вкусом и стремится к совершенству во всем».

Кристоаль Баленсиага родился в баскском рыбацком поселке в 1895 году. Его отец-моряк ушел из жизни совсем рано, и, чтобы прокормить детей, матери пришлось стать портнихой. Кристоаль — младший ребенок в семье — взялся за иголку с ниткой в возрасте трех с половиной лет. У него обнаружили

**Кристоаль взялся за иголку
с ниткой в возрасте трех
с половиной лет**

к этому делу удивительные способности: мальчик одинаково ловко работал как правой, так и левой рукой. В шесть он смастерил для своей кошки ошейник, расшитый жемчужинами, на который обратила внимание местная знатная дама — маркиза де Каса-Торрес. Став первой покровительницей Баленсиаги, маркиза позволила ему сделать точную копию одного из лучших своих платьев. А в 12 его отдали учеником в ателье в Сан-Себастьяне — постигать профессию закройщика.

Именно талант закройщика, отточенный позже во время частых визитов на Сэвил-роу (а также страстная увлеченность твидом и другими видами шерсти и стремление к идеальной втачке рукава) отличали Баленсиагу от прочих. «Он и кроит, и шьет, — писал Битон. — Никто не умеет так, как он, вдохнуть жизнь в отрез ткани, так поиграть с материей, придать ей выразительность». Свое первое ателье Баленсиага открыл в Сан-Себастьяне в 1919 году. А с конца 20-х и вплоть до низложения испанской монархии в 1931-м был личным портным королевских особ — королевы-консорты Виктории Евгении и ее свекрови Марии Кристины. Разразившаяся в 1936 году гражданская война заставила Баленсиагу перебраться в Париж, где он обосновался на авеню Георга V, на третьем этаже дома номер 10. Баленсиага не терял связи с Испанией (настолько, что после прихода к власти националистов шил туалеты для жены каудильо Франко), но основной его резиденцией стала именно французская столица. Там вместе с Баленсиагой трудились его управляющий Николас Бискаррондо и Владзё Заворовский д'Аттенвиль, создававший шляпы к нарядам Баленсиаги и, кроме того, бывший любовником кутюрье.

Свою дебютную коллекцию Кристоаль показал в августе 1937 года, цена за одно платье составляла порядка 3500 франков. Список его клиенток, подпавших под очарование революционных фасонов, быстро пополнился известными именами, среди которых были герцогиня Виндзорская Уоллис Симпсон, графиня Мона фон Бисмарк (чей гардероб, вклю-

чая шорты для работы в саду, целиком состоял из одежды Balenciaga), Барбара Хаттон, Грейс Келли, Жаклин Кеннеди (от счетов, выставленных Баленсиагой, Джон Кеннеди приходил в ужас) и Элена Рубинштейн. «До Баленсиаги считалось, что женщина из хорошего общества должна носить добротный костюм, блузку и приличествующую шляпку, — отмечал

Баленсиага беседует с Кармел Сноу, главным редактором журнала **Harper's Bazaar**, 1952 г.

Битон. — От блузок он избавился, пиджаки и пальто лишил талий, рукав — теперь длиной три четверти — сделал с широкой проймой, добавил накладные плечики, все швы расставил, а на голову нацепил подобие собачьей шляпки. Поначалу при виде новой моды многим казалось, будто перед ними жертва природного катаклизма, которая в спешке накинула первую попавшуюся вещь с чужого плеча. Но на самом деле все эти наряды, столь соблазнительно скрывающие женские формы — и, кстати, ставшие сегодня нормой, — являли собой плод фантазии гения-одиночки».